

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

1 Іюня № 16 1904 года.

⊖ ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ. ⊖

Теорія Герберта Спенсера о происхожденіи религіи.

*(Критико-апологетическій очеркъ *).*

Вопросъ о происхожденіи религіи—этого величайшаго по своему значенію явленія въ человѣчествѣ—всегда обращалъ на себя вниманіе мыслителей.—Онъ представлялъ собою глубокій интересъ уже для философовъ древности. Имъ очень занимались во все послѣдующее время. Ему оказываетъ особенное вниманіе и современная наука и философія. Теперь, когда предметомъ нѣчнаго изслѣдованія стала и природа во всемъ разнообразіи своихъ предметовъ и явленій, и самъ человѣкъ съ своимъ физическимъ организмомъ и всѣми способностями духа,—изслѣдованіе вопроса о происхожденіи религіи поставлено въ наукѣ очень широко. Обходя своимъ вниманіемъ истинный взглядъ на религію, предлагаемый откровеніемъ и христіанскими философами ортодоксальнаго направленія, мыслители очень нерѣдко высказываютъ собственные сужденія, а иногда создаютъ и цѣлыя теоріи по данному вопросу. И, хотя эти теоріи въ большинствѣ случаевъ носятъ отрицательный характеръ, тѣмъ не менѣе, какъ представляемыя послѣдними выводами науки, онѣ пользуются

*) По поводу смерти автора—25 ноября 1903 г.

иногда громкою (впрочемъ, временною) извѣстностью въ ученомъ мѣрѣ. Такова и интересующая насъ теорія недавно скончавшагося англійскаго ученаго Герберта Спенсера, къ изложенію которой мы и приступимъ.

Сущность этой теоріи, какъ она изложена въ обширномъ сочиненіи Г. Спенсера—«Соціологіи» *), можно представить въ слѣдующихъ чертахъ.

Было время, когда мѣръ представлялъ изъ себя весьма несовершенное цѣлое. Тогда только-что явился человѣкъ, но не чрезъ творческій актъ Бога, а путемъ естественнаго развитія и перерожденія изъ животныхъ. Какъ ближайшій потомокъ млекопитающаго, человѣкъ первоначально нисколько не возвышался надъ нимъ по своему умственному и нравственному состоянію. Не было у него ни идей, ни разумной любознательности, ни моральныхъ наклонностей, словомъ, ничего того, что составляетъ теперь достояніе культурнаго человѣка. Это было только слабое подобіе современнаго дикаря или малолѣтняго, еще не развившагося ребенка. Отсюда, если первобытный человѣкъ не имѣлъ никакихъ идей, то, слѣдовательно, у него не было и идеи о Богѣ, а потому и религіи. Полный невѣжда и атеистъ—вотъ какъ можно охарактеризовать его.

Откуда же могла появиться у первобытнаго человѣка идея о Богѣ? Какъ возникла религія и благодаря чему она такъ глубоко укоренилась въ послѣдующемъ человѣчествѣ, что стала необходимою принадлежностью каждаго? Потребовался по мнѣнію Г. Спенсера слишкомъ большой періодъ времени и весьма сложный процессъ развитія, прежде чѣмъ человѣкъ дошелъ до идеи существа высочайшаго, конечно, не путемъ интуитивнаго мышленія, а единственно чрезъ опытъ.

Поставленный въ необходимость наблюдать окружающую природу, первобытный человѣкъ не могъ удержаться отъ того,

*) Свой взглядъ на происхожденіе религіи Спенсеръ излагаетъ еще въ сочиненіяхъ: «Основныя начала» и «Прошедшее и будущее религіи».

чтобы не давать такого или иного объясненія ея явленіямъ. Первое, что бросалось въ глаза первобытному человѣку и нуждалось по его мнѣнію въ объясненіи, это перемѣны, которыя переживаетъ почти каждая вещь и явленіе. Онъ смотритъ на величественное небо и здѣсь его поражаетъ то, что солнце не всегда находится на видимомъ горизонтѣ, но къ ночи скрывается, чтобы уступить свое мѣсто лунѣ, а послѣдняя въ свою очередь на день уходитъ за горизонтъ, смѣняясь солнцемъ. Ночью мириады звѣздъ украшаютъ безоблачное небо, но приходитъ день и звѣзды блѣднѣютъ, а потомъ становятся совсѣмъ невидимыми, какъ-бы удаляясь въ неизмѣримую даль до слѣдующей ночи. Съ неба первобытный человѣкъ переноситъ свой взоръ и наблюденіе на нашу планету, и здѣсь его поражаютъ тѣже метаморфозы. Вотъ обильный дождь наполнилъ водою всѣ углубленія поверхности и образовалъ лужи, но уже чрезъ нѣсколько моментовъ изъ-за тучъ показывается солнце; вода частью испаряется, частью уходитъ въ нѣдра земли и отъ прежней лужи остается лишь грязь, которая скоро отвердѣваетъ и никакихъ слѣдовъ воды не остается. Но что за чудеса происходятъ въ природѣ органической? Бросается во влажную землю повидимому безжизненное зерно, но оно скоро показывается на поверхности земли уже въ видѣ растенія или даже дерева, достигающаго иногда большой величины. Какъ-бы съ цѣлью еще болѣе поразить первобытнаго человѣка, ему встрѣчается организмъ, обнаруживающій слабые признаки жизни—это гусеница; но не долго она остается въ такомъ видѣ; проходитъ нѣсколько дней, и она становится неузнаваемою; изъ нея вырождается новый, еще менѣе подвижный, организмъ—куколка, которая какъ-бы по капризу не замедлитъ снова преобразоваться—и на этотъ разъ ужъ въ какое нибудь насѣкомое—мотылька или бабочку. И такихъ перемѣнъ безчисленное множество!

Какъ же долженъ былъ посмотрѣть на нихъ первобытный человѣкъ, совершенно незнакомый съ силами и законами

природы? Истинный смысл ихъ былъ для него тайною, но оставить эту интересную тайну безъ объясненія было нельзя. Нечуждый пыливости, онъ задумывается надъ этими явленіями, но не надолго: скоро онъ даетъ имъ наивное, хотя на его взглядъ и удовлетворительное, объясненіе. Каждый предметъ и каждый организмъ, предполагаетъ онъ, имѣютъ двойственное состояніе—видимое и скрытое, а потому и во власти ихъ являться то въ одномъ, то въ другомъ видѣ.

Такой ложный взглядъ устанавливаетъ первобытный человѣкъ на окружающій его органическій и неорганическій міръ, какъ болѣе ему доступный. Но, по мѣрѣ накопленія данныхъ опыта, по мѣрѣ своего умственного усовершенствованія, онъ останавливаетъ свое вниманіе и на самомъ себѣ. Гуляетъ-ли онъ, или работаетъ въ ясный солнечный день, его удивляетъ здѣсь слѣдующее явленіе. Всѣмъ его дѣйствіямъ до мелкихъ подробностей старается подражать какая-то сопутствующая ему всюду фигура или тѣнь; подходит онъ къ водѣ и въ ней видитъ еще болѣе отчетливое отраженіе своего корпуса, на этотъ разъ не только подражающее его движеніямъ и гримасамъ, но даже цвѣту его волосъ, выраженію глазъ и неуловимымъ измѣненіямъ его лицевыхъ мускуловъ. Наконецъ, ему случается громко крикнуть и вдругъ на его крикъ слышится изъ сосѣдняго лѣса или изъ глубины горныхъ ущелій отвѣтъ,—и притомъ поразительно сходный съ его голосомъ. Все это, конечно, требовало объясненія и первобытный человѣкъ, уже создавшій идею двойственности вещей, легко переноситъ ее и на явленія, тѣсно связанныя съ нимъ самимъ. И тѣнь его, и отраженіе въ водѣ, и эхо—все это представляетъ другое «я» человѣка, сходное съ самимъ оригиналомъ.

Такая смутная догадка о другомъ «я» скоро переходитъ въ убѣжденіе и получаетъ большую опредѣленность, когда первобытному человѣку приходится пережить сновидѣнія. Разгоряченное въ бодрственномъ состояніи воображеніе перво-

бытнаго человѣка не перестаетъ работать и во снѣ и, освободившись отъ контроля разсудка, начинаетъ создавать причудливыя картины и различныя происшествія; ему представляется: то травля звѣрей, въ которой онъ принимаетъ дѣятельное участіе, то война съ непріятелями опять при его личномъ участіи, то домашнія заботы и хлопоты около своего очага. И все это совершается тогда, когда самъ участникъ или даже виновникъ приключеній находится дома и въ полномъ бездѣйствіи. Онъ рассказываетъ о своихъ мнимыхъ пожденіяхъ, но слушатели увѣряютъ, что онъ лежалъ въ продолженіе всего сна неподвижно. Однако никакія увѣренія окружающихъ не могутъ убѣдить ночного героя въ недѣлности созданій его воображенія и онъ начинаетъ думать, что въ приключеніяхъ этихъ участвовалъ его двойникъ, покидавшій его ночью, а днемъ или сопутствующій ему въ видѣ тѣни и отраженія въ водѣ, или уходящій странствовать по сосѣднему лѣсу и среди горныхъ стремнинъ.

Но сонъ—не единственное явленіе, способствующее возникновенію указаннаго заблужденія. Къ тому-же результату приводятъ первобытнаго человѣка и аналогичныя сновидѣніямъ явленія: сомнамбулизмъ, каталепсія, апоплексія и другія формы болѣзненной безчувственности. Все это такія явленія, при которыхъ человѣкъ теряетъ почти всѣ признаки жизни или, если и продолжаетъ еще дышать и двигаться, то всѣ его движенія принимаютъ характеръ болѣзненныхъ спазмовъ и конвульсій. И вотъ состояніе полной неподвижности первобытный человѣкъ объясняетъ уходомъ двойника, а мучительныя движенія и судороги—вторженіемъ двойника другого лица, враждебнаго больному, этотъ-то недружелюбный двойникъ и бушуетъ въ организмъ больного, причиняя ему страданія.

Такъ еще болѣе убѣждается первобытный человѣкъ въ томъ, что его «я» имѣетъ у себя двойникъ. Что-же послѣ этого онъ долженъ подумать о явленіи смерти? Конечно, онъ

сочтеть ее подобною явленіямъ сомнамбулизма, катаlepsii и аполексii, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь двойникъ оставляетъ тѣло на болѣе продолжительный періодъ времени, чѣмъ въ случаяхъ болѣзненныхъ явленій. При всемъ томъ двойникъ по вѣрѣ первобытнаго человѣка долженъ съ теченіемъ времени возвратиться изъ своего странствованія и опять войти въ тѣло, прежде имъ оставленное. А для этой цѣли нужно было сохранить тѣло умершаго отъ разрушенія и отъ уничтоженія хищными звѣрями. Отсюда появились всѣ погребальныя церемоніи, направленныя къ сохраненію трупа: положеніе въ гробъ, зарытіе въ землю, позже—бальзамированіе, вещественныя изображенія покойниковъ и т. п.

Двойникъ умершаго вѣщаетъ здѣсь же—около могилы своего трупа, а такъ какъ и теперь онъ по существу нисколько не измѣняется, то нуждается въ кровѣ и пищѣ. Предупредительные родственники удовлетворяютъ этимъ нуждамъ дорого имъ покойника: строятъ домики для убѣжища отъ бурь и непогодъ и ставятъ здѣсь же съѣстные припасы.

Но иногда двойникъ умершаго желаетъ удалиться на мѣсто родины своихъ предковъ, почему живые родственники покойнаго погребаютъ вмѣстѣ съ трупомъ его и необходимыхъ для путешествія животныхъ—лошадей или нужныя для этой же цѣли лодки, если желанная покойникомъ страна находится за моремъ. Есть, наконецъ, и такіе двойники, которые живутъ на небѣ. Это тѣ, тѣла которыхъ погребены на высокыхъ горахъ и холмахъ, откуда легокъ переходъ и въ небесныя выси.

Загробная жизнь двойника продолжается довольно долго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не перестаетъ являться во снѣ живымъ родственникамъ. Уже послѣ этого онъ представлялся въ сознаніи живыхъ умершимъ. Тѣмъ не менѣе, съ мыслью объ окончательномъ разрушеніи и уничтоженіи предка первобытный человѣкъ не могъ долго мириться. Отчасти изъ любви къ предку, а отъ части изъ невозможно-

сти представить полное уничтоженіе того, кто прежде жилъ и дѣйствовалъ, первобытный человѣкъ надѣляетъ умершихъ вѣчною жизнью.

Теперь двойники умершихъ или, что тоже, души ихъ получаютъ очень важную роль въ общемъ строѣ міровой жизни. Онѣ становятся уже могущественными дѣятелями, управляющими всѣми явленіями природы и даже дѣйствіями живыхъ людей. Пронесется-ли надъ головой первобытнаго человѣка зловѣщій вихрь, послышатся ли грозные раскаты грома, начнутъ ли свирѣпствовать болѣзни, удался-ли дѣятельность человѣка,—все это приписывается вліянію добрыхъ или злыхъ душъ предковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ такое важное обстоятельство, какъ надѣленіе душъ предковъ безсмертіемъ, должно было дать впоследствии еще одинъ замѣчательный результатъ. Прежде число духовъ предковъ было незначительно; время загробнаго существованія для каждаго изъ нихъ было ограничено извѣстнымъ періодомъ времени, по истеченіи котораго духъ умиралъ и терялся въ памяти живущихъ. Конечно, при такомъ условіи число духовъ не могло значительно увеличиться, такъ какъ недавно разставшійся съ тѣломъ двойникъ только заступалъ мѣсто умершаго навсегда духа. Но вотъ духи становятся въ сознаніи первобытнаго человѣка безсмертными. Еще не успѣло смѣниться два—три поколѣнія людей, какъ сонмъ духовъ значительно увеличился, ибо ни одинъ изъ нихъ не умиралъ. Уже въ этомъ случаѣ духи не только удалялись на родину своихъ предковъ, но оставались и на мѣстѣ своего послѣдняго существованія. Мало по малу число ихъ становилось такъ великимъ, что они наполнили собою весь воздухъ. Теперь не одни только важныя явленія приписывались дѣйствію духовъ умершихъ предковъ, но и такія мелочныя, какъ зѣвота и чиханіе, становились въ зависимость отъ этихъ духовъ. Послѣдніе начали принимать важное участіе въ дѣя-

тельности живыхъ своихъ потомковъ, то принося имъ вредъ, если враждебны, то благодѣтельствуя, если доброжелательны.

Такимъ образомъ этотъ безчисленный сонмъ духовъ уже раздѣлился на два класса: на добрыхъ и злыхъ. Сообразно съ дѣятельностью этихъ духовъ должны были установиться и различныя отношенія къ нимъ живыхъ людей. Добрые духи были желанными друзьями живыхъ и послѣдніе считали своею обязанностью благодарить ихъ за полученныя благодѣнія и просить ихъ помощи въ предпріятіяхъ. Совсѣмъ противоположныя чувства наполняли душу живого человѣка при видѣ разрушительныхъ дѣйствій природы и при испытаніи несчастій, виновниками которыхъ считались злые духи предковъ. Ужасъ наводило такое представленіе о дѣйствіи злыхъ предковъ на первобытнаго человѣка! Послѣднему оставалось прибѣгнуть къ двумъ только средствамъ, чтобы обезпечить свою безопасность: или изгнать злыхъ духовъ изъ своей среды при помощи знахаря или колдуна, или, если духъ силенъ и очень грозенъ, то умоливать посредствомъ хвалебныхъ славословій и обильныхъ жертвоприношеній.

Послѣ всего этого первобытный человѣкъ стоялъ уже на полпути въ дѣлѣ выработки идеи о Богѣ и созданія самой религіи. Нужно было еще привести въ стройную систему всѣхъ многочисленныхъ духовъ, которые къ этому времени составляли громадную толпу и тѣнились всюду въ хаотическомъ беспорядкѣ. Слѣдствіемъ этого было подраздѣленіе духовъ предковъ на ранги съ обозначеніемъ точнаго круга дѣйствій для каждаго ранга. Явился рангъ духовъ—покровителей скотоводства, мира, войны и т. д. Когда былъ строго формулированъ кругъ дѣйствій каждаго ранга духовъ, человѣкъ зналъ уже, къ кому изъ нихъ обращаться съ выраженіемъ благодарности, а кого страшиться и умоливать. Скоро создались опредѣленныя славословія и заклинанія, уже тогда носившія въ себѣ зерно позднѣйшаго богослуженія. Мало-по малу совершеніе этихъ словословій и заклинаній

стало приурочиваться къ опредѣленному мѣсту—и именно къ могиламъ предковъ. Здѣсь можно было войти въ болѣе близкое общеніе съ духами предковъ, да и самое уединеніе способствовало глубже сосредоточиться на совершеніи обрядовъ славословія и умилоствленія.

Однако не всегда можно было исполнять такіе обряды. Этому могли препятствовать непогоды: буря, дождь и проч. Для удаленія подобныхъ препятствій первобытный человѣкъ расширилъ прежній, назначенный для духа домикъ на могилѣ въ болѣе просторное зданіе, могущее вмѣстить въ себѣ нѣсколько десятковъ, а можетъ быть, и нѣсколько сотенъ человѣкъ. Это зданіе такимъ образомъ постепенно принимало характеръ нынѣшняго храма.

Сюда спѣшилъ первобытный человѣкъ, чтобы повѣдать духу предка свою радость или горе, отблагодарить его за оказанное благодѣяніе или умилоствить въ виду полученнаго несчастія. Въ приливѣ молитвеннаго восторга человѣкъ не довольствовался уже одними словесными похвалами духу или заклинаніями его. Чтобы духъ предка чувствовалъ себя болѣе удовлетвореннымъ, онъ прилагалъ къ молитвамъ еще вещественныя приношенія, которыя должны были понравиться умолющему существу. Само собой разумѣется, такія приношенія со временемъ повторялись все чаще и чаще, пока, наконецъ, не получили характера настоящихъ жертвоприношеній.

Въ этихъ приношеніяхъ выражалась, конечно, любовь живыхъ къ духамъ предковъ, а главнымъ образомъ здѣсь говорило чувство страха, какъ бы злой духъ не принесъ бѣдствій человѣку, а добрый не разгнѣвался. Поэтому, тѣмъ надежнѣе была безопасность человѣка, чѣмъ болѣе принесъ онъ на могилу предка съѣстныхъ продуктовъ. При этомъ у первобытныхъ людей должно было явиться соревнованіе, кто больше дастъ духу приношеній. Такое соревнованіе скоро должно было дойти до крайности: нѣкоторые стали лишать себя

пищи, чтобы доставить ей побольше духу предка. Отсюда сами собою создались настоящіе посты. А частыя посѣщенія могиль предковъ, съ цѣлью умилоствленія, дали въ результатѣ обычныя теперь пилигримства.

Здѣсь мы пришли къ тому времени въ исторіи первобытнаго человѣчества, когда всѣ обряды, совершаемые въ честь духовъ предковъ, должны были получить религіозную окраску и обратиться въ богослуженіе. Хотя эти обряды сложились уже въ довольно стройную систему, но все—таки первобытный человѣкъ совершалъ ихъ въ честь своихъ предковъ—людей, а не бога. Слѣдовательно, нужна была еще идея о Богѣ, какъ высочайшемъ нечеловѣческомъ существѣ. И она скоро явилась.

Мы уже видѣли, что дарованіе духамъ предковъ безсмертія послужило къ увеличенію числа ихъ до безконечности. Но вѣдь питать къ нимъ одинаковыя чувства первобытный дикарь не могъ, потому что не всѣ же предки, живя на землѣ, были одинаковы и по своимъ душевнымъ качествамъ, и по внѣшнему могуществу. Были среди нихъ лица слабыя, безцвѣтныя. Естественно, что такія лица не могли внушать къ себѣ особаго уваженія потомковъ, а потому скоро забывались. Совсѣмъ другая участь ожидала предковъ, отличавшихся при жизни чѣмъ нибудь особеннымъ. Будь то великій полководецъ или какой либо страшный злодѣй, или благодѣтель,—всѣ такія личности не могли утратиться въ памяти потомковъ на долгое время, а иные помнились и всегда. Но время все-таки дѣлало свое. Не всѣ подробности изъ земной жизни великихъ людей могли удержаться въ памяти первобытныхъ народовъ, еще не знавшихъ искусства письма и потому не могшихъ увѣковѣчить своихъ героевъ письменными памятниками. Сначала забывались мелкія подробности изъ жизни великихъ личностей. Если знаменитый человѣкъ былъ

любимцемъ потомковъ, то послѣдніе сначала умалчивали о недостаткахъ его, а потомъ и совсѣмъ забыли ихъ, рассказывая нарождавшемуся поколѣнію только о добрыхъ сторонахъ внутренняго характера и внѣшней дѣятельности своего любимца. Такая идеализація дошла впослѣдствіи до необыкновенныхъ размѣровъ: истинный характеръ великаго предка постепенно такъ исказился въ памяти народа, что трудно было по измышленному образу героя составить даже приблизительно правильное представленіе о его оригиналѣ. Все, что имѣлось въ немъ человѣческаго, было совсѣмъ забыто, и вотъ люди стали говорить, что ихъ герой былъ неземнаго происхожденія, обладалъ нечеловѣческими свойствами, былъ вѣченъ, всемогущъ, всевѣдущъ, словомъ богъ. Такая судьба постигала обыкновенно родоначальниковъ племени, чему способствовала не мало и національная гордость, ибо происхожденіе отъ божественнаго предка, или родство съ какимъ нибудь знаменитымъ неземнымъ дѣятелемъ очень льстило самолюбію народа. И вотъ эти предки становятся національными богами, покровителями племени и защитниками его интересовъ. Но помимо нихъ каждый народъ помнилъ и великихъ злодѣевъ, причинившихъ своимъ соплеменникамъ много бѣдствій. Какъ-же къ нимъ должны были относиться потомки? Ненаявисть къ такимъ героямъ закрывала первобытному человѣку глаза, чтобы не видѣть въ нихъ ничего добраго. Дурныя свойства злодѣевъ преувеличиваются въ памяти дальнѣйшихъ поколѣній; ихъ считаютъ вмѣстилищемъ всѣхъ пороковъ, носителями не чело- вѣческихъ злодѣяній, они становятся уже въ воображеніи народа чудовищами. въ которыхъ не остается и тѣни добра. Забывши совсѣмъ, что они были обыкновенными людьми, первобытный человѣкъ признаетъ ихъ злыми богами.

Наиболѣе выдающіяся существа—вышіе добрые и злые боги—всецѣло поглощаютъ вниманіе народа, который забы-

ваетъ объ остальныхъ, не столь знаменитыхъ личностяхъ; изъ этихъ только нѣкоторыя, чѣмъ нибудь заявившія о себѣ при жизни, живутъ въ памяти народа, какъ полубоги или какъ духи, служащіе добрымъ богамъ или злымъ.

Послѣ этого народу стоитъ только перенести на придуманныхъ боговъ всѣ формы почтенія, которыя прежде оказывалъ онъ духамъ своихъ предковъ, и тогда получится религіозный культъ. Но еще прежде этого произошло нѣкоторое осложненіе въ первобытныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, имѣющее также основу въ умственномъ состояніи тогдашняго человѣка. Этотъ послѣдній, какъ было уже сказано, стоялъ на очень низкой ступени интеллектуальнаго развитія. А въ такомъ случаѣ онъ не способенъ былъ къ чисто метафизическимъ воззрѣніямъ на Божество. Чтобы это воззрѣніе получило хоть нѣсколько опредѣленный характеръ, для этого нужны были конкретные образы Бога, въ которыхъ нуждается даже и современный культурный человѣкъ. Необходимо было воплотить Божество въ какой нибудь болѣе или менѣе замѣчательный предметъ или чѣмъ-либо выдающееся живое существо. И первобытный человѣкъ не замедлил найти подобные предметы и подобныхъ животныхъ. Еще раньше онъ дѣлалъ изъ камня или глины изображенія своихъ предковъ. Первоначально цѣлью этихъ изображеній служило то, чтобы дать мѣсто убѣжища витающему въ воздухѣ двойнику покойника. Но ко времени появленія идеи о Богѣ цѣль эта была забыта и вещественное изображеніе получило характеръ святыни, какъ образъ того или иного божества, а потомъ и какъ Богъ.

Если такую важность получили въ сознаніи первобытныхъ людей грубыя и ничтожныя издѣлія рукъ человѣческихъ, то что сказать о выдающихся произведеніяхъ природы, хотя бы то и неодушевленныхъ? Часто встрѣчаются горы,

деревья и т. п., имѣющія очень причудливую форму головы человѣческой, или туловища, или даже всего человѣка. Мало того. Первобытному человѣку приходилось наталкиваться на растенія очень питательныя и даже цѣлебныя, а также и на растенія ядовитыя. Уже съ развитіемъ вѣры въ загробное существованіе двойниковъ умершихъ, эти сходства обыкновенныхъ неодушевленныхъ предметовъ съ человѣческой фигурой и эти чудесныя свойства растеній должны были заинтересовать первобытнаго человѣка. У него естественно долженъ былъ родиться вопросъ, что за причина подобныхъ явленій? Такъ какъ все, что видѣлъ онъ, представлялось ему произведеніемъ духовъ предковъ, то это заблужденіе помогло ему и здѣсь выйти изъ недоумѣнія. Человѣческое подобіе нѣкоторыхъ горъ и деревьевъ зависитъ по его мысли отъ того, что въ нихъ живутъ духи предковъ, равно какъ растенія дѣлаются цѣлебными при помощи тѣхъ же духовъ, только благосклонныхъ, а ядовитыми—черезъ духовъ враждебныхъ. Отсюда уже понятно, какое великое значеніе получили въ глазахъ первобытнаго человѣчества и эти величественныя горы и деревья и эти чудесныя по своему дѣйствию растенія. Каждый проникался глубокимъ уваженіемъ предъ всѣми этими произведеніями природы и благоговѣлъ или страшился ихъ такъ-же, какъ и самыхъ боговъ. Впослѣдствіи они стали образами боговъ и даже богами. Число этихъ образовъ боговъ должно было расшириться введеніемъ въ ихъ кругъ небесныхъ свѣтилъ, а также и животныхъ. Первобытнаго человѣка поражали и своею величественностью, и своимъ дѣйствіемъ солнце, луна и прочія планеты. Равнымъ образомъ на него производили сильное впечатлѣніе своею свирѣпостью и разрушительными набѣгами дикіе звѣри: левъ, тигръ, барсъ и т. д. А если такъ, то все это—и солнце съ луною и прочими планетами и особенно выдающіеся своею свирѣ-

постью или чѣмъ либо другимъ звѣри явились въ фантазіи первобытныхъ людей воплощеніемъ то злыхъ, то добрыхъ духовъ предковъ, а потомъ и такихъ-же боговъ. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, по мнѣнію Г. Спенсера, что первобытный человѣкъ поставленъ былъ въ особенно благопріятныя для этого условія. Однимъ изъ такихъ условій былъ обычай называть знаменитыхъ людей солнцемъ, луною или имени животныхъ по какому либо сходному признаку или просто для прославленія, обычай очень распространенный въ древнее время. Такими именами надѣлялись напр. родоначальники племени. Допустимъ, сначала въ памяти народа хранится преданіе о томъ, что его родоначальникъ носилъ имя солнца. Это преданіе съ теченіемъ времени должно было потерпѣть порчу по многимъ причинамъ. Въ то время языкъ былъ очень не развитъ. Словъ было слишкомъ мало, да и значеніе ихъ было очень неопредѣленно. Отсюда трудно было ясно выразить ту мысль, что у такого-то племени былъ родоначальникъ, называвшійся метафорически солнцемъ. Очень легко могло статься, что названіе родоначальника солнцемъ, а потомковъ его дѣтьми солнца начали понимать не метафорически, а буквально. Къ-тому-же, какъ было замѣчено выше, въ памяти людей сглаживались мало чо малу и другія свѣдѣнія объ этомъ родоначальникѣ, напр., что онъ былъ обыкновеннымъ человекомъ, Посему, въ слѣдъ за тѣмъ, какъ родоначальнику стали приписывать божественныя свойства, его стали отождествлять съ солнцемъ. Въ концѣ концовъ получается такое религіозное вѣрованіе: «все племя происходитъ отъ самаго солнца, которое есть Божество».

Таже неточность языка вела къ подобному результату и другимъ путемъ. Первобытныя племена вели кочевой образъ жизни и только послѣ долгихъ скитаній поселялись гдѣ—нибудь навсегда. Но преданіе о прежнемъ мѣстѣ жительства

сохранялось въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, причемъ передавалось оно на неточномъ первобытномъ языкѣ. Очень возможно поэтому, что слова: «происхожденіе» и «выхожденіе» или «переселеніе» тогда не различались. А въ такомъ случаѣ первобытные люди могли отождествлять по ошибкѣ фразу: «такое-то племя вышло изъ-за горы или изъ-за моря» съ фразой: «такое-то племя произошло отъ горы или отъ моря». Море или гора такимъ образомъ принимаются первобытными племенами за родоначальниковъ. Но такъ какъ родоначальниками почти у каждаго племени считались боги, выработавшіеся изъ духовъ умершихъ предковъ, то и горы, изъ-за которыхъ вышло племя, и море, за которымъ оно жило прежде, становились богами.

Вотъ какъ послѣдовательно выработались изъ почитанія предковъ три важнѣйшихъ религіозныхъ культа: фетишизмъ, сабеизмъ и зоолатрія съ точно формулированными уставами и законоположеніями, со всѣми обрядами и дѣйствіями. Какъ ни мало въ этихъ культахъ сходства съ изначальнымъ предкопочитаніемъ, но всѣ они суть его порожденія.

Все-таки эти три вида религіи были еще грубыми и несовершенными. Въ ихъ теоретической-догматической области было много пробѣловъ и противорѣчій, а слѣдовательно, столько же недостатковъ и въ практической или обрядовой области. Устранить эти недостатки и противорѣчія и облагородить грубыя религіи суждено было уже культурнымъ племенамъ, жившимъ въ позднѣйшія времена. Въ этомъ позднѣйшемъ процессѣ развитіи замѣчается постепенное восхожденіе отъ политеизма къ монотеизму, что требовалось здравой логикой. Въдь идеализація, производшая духовъ умершихъ предковъ въ боговъ, не могла на этомъ остановиться. Идея совершенства, какъ необходимаго свойства существа высочайшаго, должна была рано или поздно привести и дѣйствитель-

но привела людей (конечно, болѣе культурныхъ, мыслящихъ) къ убѣжденію, что не можетъ существовать нѣсколькихъ и даже двухъ боговъ. Существо всесовершеннѣйшее должно быть единымъ. Таковъ и есть Богъ всѣхъ монотеистическихъ религій, изъ которыхъ совершеннѣйшею является въ настоящее время религія христіанская. Но и она не составляетъ предѣла, дальше котораго развитіе религій не можетъ продолжаться. Нѣтъ, въ концѣ концовъ культурное челоѣчество придетъ къ убѣжденію въ существованіи вѣчной, непостижимой, охватывающей собою весь міръ, Силы. Это и есть конечная цѣль всего религіознаго развитія. начавшагося съ почитанія предковъ, наводившихъ на челоѣка страхъ. Вотъ какова теорія Спенсера, основанная на гипотезѣ міровой эволюціи и подтверждаемая фактами изъ религіозныхъ вѣрованій современныхъ дикарей, которые по своей духовной жизни и внѣшней культурѣ принимаются за первобытныхъ людей.

Въ этой теоріи можно отмѣтить два основныхъ положенія: 1) первоначальною формою всякой религіи, не исключая и христіанской, было предкопочитаніе, а 2) мотивомъ предкопочитанія послужилъ страхъ предъ духами предковъ, какъ такими, во власти которыхъ приносить и пользу и вредъ своимъ потомкамъ, еще живущимъ на землѣ.

Ориентируясь этими двумя положеніями въ связи съ тѣми основаніями, на которыхъ строится данная теорія, мы и подвергнемъ ее критическому разсмотрѣнію.

Священникъ Митрофановской церкви

гор. Таганрога *Александръ Баландинъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕКТАНТСТВО И РАСКОЛЪ.

Хроника епархіальной миссіи.

Собесѣдованія въ с. Городищѣ Славяносербскаго уѣзда съ раскольническими начетчиками. Присоединеніе къ церкви штундистки.

Противораскольнической миссіонеръ свящ. С. Шалкинскій сообщаетъ, что въ с. Городищѣ 18 и 23 апрѣля и въ с. Орѣховѣ 30 апрѣля, 1 и 2 мая происходили публичныя бесѣды съ видными защитниками раскола Василиемъ Зеленковымъ (изъ Нижняго Новгорода) и Іосифомъ Перетрухинымъ (изъ г. Самары). Уступая въ начитанности извѣстнымъ защитникамъ раскола: Клименту Перетрухину, Усову и Мельникову—эти собесѣдники далеко превосходятъ ихъ въ грубости и нахальствѣ.

Бесѣды въ с. Городищѣ, пишетъ о. Шалкинскій, происходили: первая по вопросу о вѣчности Церкви Христовой въ раскольнической церкви и продолжалась съ 12 час. дня до 10 час. вечера; вторая во дворѣ волостного правленія съ 11 час. утра—до 6 час. вечера по вопросу о ложныхъ мнѣніяхъ раскольниковъ, будто православная церковь заражена разными ересями.

Обличенные Словомъ Божиимъ и ученіемъ святыхъ отецъ, защитники раскола, чтобы произвести желательное для нихъ впечатлѣніе на раскольничью массу, не скупились на дерзости, называя миссіонера еретикомъ, проклятымъ, часто, прерывая его рѣчь, криками: «что вы его слушаете: онъ вретъ» и под. Обращались къ толпѣ съ такими воззваніями: «не ходите въ никоніанскую церковь—она еретическая; послѣ на-

шихъ бесѣдъ всегда никоніане обращались къ намъ... Признайте владыку Іоанна истиннымъ епископомъ» и пр., и пр.

Но верхомъ наглости этихъ крикуновъ была слѣдующая выходка. По окончаніи второй бесѣды въ с. Городищѣ, когда о. Шалкинскій уже отослалъ книги въ свою квартиру, Василій Зеленковъ—бросилъ въ толпу нѣсколько листовъ со словами: «вотъ вамъ читайте сказанія о ложныхъ чудесахъ Серафима». Народъ расхваталъ листки; одинъ листокъ взялъ и миссіонеръ. Присутствовавшій на бесѣдѣ жандармъ не позволилъ болѣе разбрасывать листки, и настоялъ, чтобы бывший здѣсь урядникъ составилъ протоколъ. Начался невообразимый крикъ. Когда минутъ чрезъ 20 народъ успокоился, миссіонеръ счелъ долгомъ выяснитъ, что брошенные листки—повѣствуютъ не о ложномъ, а о дѣйствительномъ чудѣ пр. Серафима.

Листки, изданные Максимовымъ, есть ничто иное, какъ перепечатка газетной корреспонденціи о смерти раскольника крестьянина д. Степурино, Богородскаго уѣзда, *Ситнова* хулителя пр. Серафима. Къ этимъ листкамъ раскольники приклеили нотаріальное удостовѣреніе «о нахожденіи въ живыхъ» крестьянина д. Степурино *Якова Степанова Ситнова*,

Миссіонеромъ было выяснено, что въ д. Степурино многіе крестьяне носятъ фамилію Ситновыхъ и если Яковъ Степановъ Ситновъ живъ, то это еще не доказываетъ, что никто изъ Ситновыхъ не померъ. Произведенное Егорьевскимъ миссіонерскимъ братствомъ разслѣдованіе этого сообщенія установило, что, дѣйствительно, наканунѣ открытія мощей пр. Серафима въ д. Степурино померъ хулитель преподобнаго крестьянинъ Кириллъ Назаровъ Шашинъ—*Ситновской* вѣры, а потому извѣстный въ деревнѣ подъ фамиліей Ситнова, слѣдовательно, въ сообщеніи допущена только ошибка въ фамиліи—вмѣсто оффиціальной напечатана уличная; но фактъ смерти раскольника—остается неопровержимымъ.

25 апрѣля при совершеніи закладки храма въ с. Горо-
дищѣ—о. Шалкинскій подробно выяснить продѣлки расколь-
никовъ съ извращеніемъ этого чуда; говорилъ объ этомъ и
въ с. Орѣховѣ.

Въ с. Орѣховѣ всѣ собесѣдованія происходили въ едино-
вѣрческомъ молитвенномъ домѣ. Раскольники просили и миссіо-
неръ согласился, чтобы всѣхъ бесѣдъ проведено было 6, но за-
щитники раскола провели только три бесѣды и, ссылаясь на
неотложныя домашнія дѣла, тотчасъ же уѣхали.

Какіе будутъ результаты этихъ собесѣдованій, пока су-
дить рано, только замѣтно, что, не смотря на выражаемыя
по обыкновенію благодарности своимъ защитникамъ, расколь-
ники остались ими недовольны, такъ какъ выражали публич-
но благодарность и миссіонеру, какъ въ Городищѣ, такъ и въ
Орѣховѣ. Есть даже надежда, что будутъ и присоединенія къ
православію. Въ православныхъ же слушателяхъ собесѣдова-
нія укрѣпили сознаніе въ истинности своего вѣроученія и
искреннее сожалѣніе о раскольникахъ, довѣряющихся такимъ
лживымъ и нахальнымъ защитникамъ.

Предсѣдатель Волоскаго Миссіонерскаго Комитета (Ека-
ринославскаго уѣзда) свящ. С. Гладченко сообщаетъ, что 6
мая с. г. въ день Вознесенія Господня имъ была приведена
въ лоно св. церкви крестьянка дер. Васильевки Волоскаго
прихода Іуліанія Васильева Ткачъ—45 лѣтъ, принадлежавшая
къ сектѣ штундистовъ болѣе 15 лѣтъ. Присоединеніе ея со-
вершено было по особо изданному Св. Синодомъ чину и
обставлено было торжественно. По отреченіи отъ заблужденій
штунды Ткачъ въ присутствіи массы молящихся православ-
ныхъ дала клятвенное обѣщаніе навсегда пребывать вѣрной
дщерью св. церкви. Послѣ слова священника «о радости
Отца Небеснаго и ангеловъ о обращеніи грѣшника на путь
истины» б. сектантка удостоена таинства св. исповѣди, а во

время литургіи и таинства св. причащенія. Радостная, со слезами умиленія на глазахъ, Ткачь просила всѣхъ православныхъ простить ее за вражду, которую она долгое время питала къ нимъ, и благодарила своего пастыря за наставленія и труды, положенные для ея спасенія. «Теперь мукъ моей конецъ, умру спокойно», сказала Ткачь въ концѣ и тутъ же облобызалась со многими православными прихожанками.

Присоединеніе Ткачь, какъ замѣчаетъ въ концѣ своего сообщенія о. Гладченко, весьма радостное и важное событіе въ Волосскомъ приходѣ, такъ какъ въ штундѣ самый консервативный и трудно поддающійся вліянію миссіи элементъ составляютъ женщины.

Миссіонерская поѣздка на ст. Синельниково.

Въ воскресенье 2 мая, въ 6 час. утра, мы—воспитанники VI класса Екатеринославской духовной семинаріи въ числѣ 23-хъ во главѣ съ преподавателемъ Мих. Сем. Брунбендеромъ выѣхали на станцію «Малое-Синельниково» для публичнаго собесѣдованія съ тамошними сектантами—штундистами, съ цѣлью практическаго ознакомленія съ противосектантской полемикой. Погода была чудная. Черезъ два часа нашъ поѣздъ примчался къ мѣсту назначенія. Въ ожиданіи бесѣды мы расположились въ отдѣльной станціонной комнатѣ. Вскорѣ какъ православные, такъ и мѣстные сектанты были извѣщены о имѣющей быть бесѣдѣ. Въ виду массы публики рѣшено было устроить собесѣдованіе въ баракъ, находящемся рядомъ съ станціею. Въ 11 часу сюда сталъ собираться народъ. Здѣсь можно было видѣть все тамошнее общество: интеллигенцію и простой народъ, преимущественно желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Вездѣ раздавались голоса о предстоящей бесѣдѣ и о виновникахъ ея—сектантахъ; всѣ взоры горѣли нетерпѣливымъ желаніемъ видѣть и слышать бесѣду. Наконецъ, послѣ долгаго, томительнаго ожиданія, желанный часъ насталъ: около 12 часовъ пришли сектанты—наши совопросники. То были два сектанта—штундиста. Оба они вошли самоувѣренной и гордою походкой, нисколько не смущаясь тѣмъ, что вниманіе всѣхъ сразу обратилось на нихъ. Одинъ

сектантъ особенно приковывалъ взоры присутствующихъ своею молодостью: это былъ юноша, лѣтъ 18 или 19, съ взглядомъ, выражавшимъ надменность, презрительность и смѣлость; другой—обращалъ на себя вниманіе выраженіемъ своихъ глазъ, томнымъ, задумчивымъ, созерцательнымъ—типичнымъ среди сектантовъ. Имъ были отведены заранѣе приготовленные мѣста на скамьѣ. Противъ нихъ расположились на скамьяхъ предъ столикомъ нашъ преподаватель Мих. Сем., свящ. Н. Боголюбовъ, специально-пріѣхавшій на собесѣдованіе, и мѣстные іереи—о. Гр. Лысенко и о. Ст. Штепенко, а мы—практиканты стали возлѣ нихъ полукругомъ. Предъ началомъ бесѣды былъ пропѣтъ нами пасхальный тропарь; послѣ чего Мих. Сем. сказалъ нѣсколько вступительныхъ словъ къ присутствующей публикѣ; вслѣдъ за этимъ одинъ изъ моихъ товарищей В. Баляба произнесъ рѣчь, въ которой указалъ предметъ собесѣдованія—таинство Евхаристіи и изложилъ основанія православнаго ученія объ этомъ таинствѣ. Во время произнесенія рѣчи молодой сектантъ сильно волновался; его глаза то зажигались страстнымъ желаніемъ прервать говорившаго и тотчасъ вступить въ бесѣду, то выражали полную иронию и презрѣніе. По окончаніи рѣчи г. Брунбендеръ обратился къ сектантамъ съ вопросомъ: есть ли у нихъ таинство Евхаристіи и пріобщаются ли они истиннаго Тѣла и Крови Христа. Этотъ вопросъ и вызвалъ на собесѣдованіе сектанта. Тотчасъ юнецъ—штундистъ съ какою-то восторженною радостью, съ взглядомъ полнымъ сознанія собственного достоинства, поднялся со скамьи и бойко вступилъ въ пренія; изъ его устъ раздалась по адресу православной церкви цѣлая грозная обличительная рѣчь. Здѣсь онъ употребилъ всѣ обычные приемы сектантовъ, выставилъ весь арсеналъ оружія сектантской полемики. Онъ открывалъ Евангеліе и прочитывалъ изъ него различныя мѣста, требовалъ того-же и отъ миссіонеровъ, дѣлалъ свои выводы; иногда перескакивалъ съ предмета бесѣды на вопросы посторонніе, но, нужно къ чести сектанта сказать, по первому замѣчанію г. миссіонера сейчасъ же возвращался къ вопросу бесѣды, что бываетъ рѣдко среди сектантовъ—любителей всегда запутывать суть бесѣды. Со стороны сектанта былъ сдѣланъ упрекъ православію въ отсутствіи у него въ таинствѣ Евхаристіи преломленія, высказано было обвиненіе, что православная церковь поступаетъ не по заповѣди Христа, совершая Евхаристію утромъ, тогда какъ Христосъ совершилъ ее вечеромъ, указано было на несоблюденіе церковью омовенія ногъ предъ причащеніемъ и на смѣшеніе хлѣба и вина и на «боданіе»—

прободеніе хлѣба, предназначеннаго для Евхаристіи. Однимъ словомъ собесѣдникъ не поспешилъ на обвиненія, избрѣтенныя сектантскою мудростью и употреблялъ всѣ усилія, чтобы пробить хотя одну брешь въ непоколебимой стѣнѣ вселенскаго православія. Но всѣ эти смѣлыя нападенія на православную церковь были отбиты; на всѣ ухищренія и раціоналистическія тонкости были даны ясныя, понятныя для всякаго простолюдина отвѣты. Конечно, совопросникъ—сектантъ не соглашался съ опроверженіями, нѣсколько разъ возвращался къ нѣкоторымъ сторонамъ предмета бесѣды и вообще обнаружилъ большую охоту продолжать пренія. Но когда вопросъ бесѣды былъ совершенно исчерпанъ, когда для всѣхъ стало очевиднымъ, что у оппонента окончательно истощился весь запасъ возраженій и что онъ уже не можетъ сдѣлать никакого новаго нападенія, г. Брунбандеръ рѣшилъ закончить бесѣду. Въ краткихъ и простыхъ словъ онъ подвелъ итогъ всей бесѣдѣ, послѣ чего собесѣдованіе было закончено пѣніемъ пасхальнаго тропаря.

Весьма сильное и отрадное впечатлѣніе произвела эта бесѣда на присутствующихъ православныхъ и насъ—воспитанниковъ, будущихъ борцовъ за драгоценную истину православія. Во все время преній публика проявляла самое напряженное вниманіе; не было слышно ни постороннихъ разговоровъ, ни перешептываній, ни насмѣшекъ; всѣ взоры были обращены на одинъ центръ—миссіонера и совопросника—штундиста. Достаточно было бросить бѣглый взглядъ на лица слушателей, выразившихъ одну серьезность и вдумчивость, чтобы видѣть, что сюда привлекло православныхъ сыновъ церкви не праздное любопытство, а жажда удовлетворенія религиозныхъ запросовъ и разрѣшенія недоумѣній, желаніе воочию присутствовать при торжествѣ побѣдоносной истины—православія надъ ложью раціоналистическихъ мудрованій. Что слушатели сознательно относились къ собесѣдованію, можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что многіе православные принесли съ собою Евангеліе и при чтеніи различныхъ мѣстъ изъ Евангелія раскрывали и отыскивали соответствующіе тексты. Весьма пріятно было замѣчать то явленіе, что присутствующіе не только съ затаеннымъ вниманіемъ все время слѣдили за преніями, но, такъ сказать, и активно участвовали въ бесѣдѣ. Многіе вопросы, затронутые въ бесѣдѣ, возбуждали умы слушателей къ различнымъ собственнымъ соображеніямъ, которыя здѣсь, то тихо, между собою, то громко, во всеуслышаніе, и высказывались. Такъ, напримѣръ, когда сектантъ, поднявъ вопросъ объ омовеніи Христомъ ногъ ученикамъ Своимъ

на тайной вечери и обвинялъ церковь въ несоблюденіи этого великаго священнодѣйствія, и когда миссіонеромъ по этому поводу было указано, что православная церковь совершаетъ въ воспоминаніе этого событія омовеніе ногъ въ Великій четвертокъ и не вездѣ, а тамъ, гдѣ есть архіерейская кафедра, такъ какъ Епископъ и изображаетъ лице Христа, то нѣкоторые изъ присутствующихъ добавили, что омовенія ногъ и нельзя совершать каждый разъ предъ св. причащеніемъ, ибо въ храмахъ бываютъ сотни и тысячи молящихся, да зимой это и совершенно невозможно, такъ какъ въ церкви часто бываетъ очень холодно. Подобныя, хотя и простыя соображенія, ясно доказываютъ, что православные сознательно относятся къ бесѣдѣ. И, дѣйствительно, можно съ увѣренностью сказать, что всѣ православные, присутствовавшіе на собесѣдованіи, надолго останутся совершенно недоступными для уловленія въ сектантскія сѣти, а это, конечно, и составляетъ неоцѣнимую пользу публичныхъ собесѣдованій.

Много хорошаго и полезнаго изъ этой бесѣды почерпнули и мы—воспитанники: мы—будущіе воины на полѣ духовной брани лицомъ къ лицу увидѣли будущихъ нашихъ враговъ, ихъ силу и маневры, ихъ хитрости и слабости; воочію убѣдились, какіе иногда могутъ быть неожиданныя возраженія, хотя въ существѣ простыя, но на которыя не сразу найдешься дать отвѣтъ; увѣрились, какъ важны при публичномъ собесѣдованіи самообладаніе и находчивость. Отсюда, кажется, можно видѣть, какую пользу могутъ приносить миссіонерскія поѣздки воспитанникамъ духовныхъ семинарій. Польза неоспорима. Публичное собесѣдованіе для воспитанниковъ даетъ большой опытъ, даже и въ томъ случаѣ, если онъ не принимаетъ участія въ преніяхъ, только внимательно слѣдитъ за ними. Публичное собесѣдованіе для воспитанника, какъ будущаго пастыря, тоже что для воина поле брани; и какъ въ битвѣ впервые участвующій солдатъ испытываетъ жгучее чувство страха и волненія при жужжаніи пуль и взрывѣ бомбъ, иногда даже совершенно теряется, а потомъ мало-по-малу осваивается, привыкаетъ ко всякимъ неожиданностямъ со стороны противника, приобретаетъ военный опытъ, а затѣмъ, если случится участвовать во второй разъ, идетъ смѣло въ бой; такъ точно и воспитанникъ семинаріи, какъ кандидатъ священства, побывавшій въ миссіонерскихъ поѣздкахъ и вынесшій изъ нихъ извѣстный опытъ, когда станетъ служителемъ алтаря, не убоится вступить въ бесѣду съ врагомъ своей церкви не устратится его возраженій и нападковъ, не потеряетъ самообла-

данія, а смѣло отразить всѣ нападенія своего дерзкаго противника. Да, весьма желательно было-бы, чтобы эти миссіонерскія поѣздки воспитанниковъ получили право гражданства въ нашей средней духовной школѣ.

Воспитаникъ VI класса Екатер. дух. сем.

Церковно-школьный отдѣлъ.

Школьное законоучительство.

Окончаніе *).

Одинъ методъ выработанъ мною въ теченіи 5 лѣтъ въ N—приходѣ, гдѣ никакихъ требъ, развѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ крещеній и погребеній, не предъявлялось и гдѣ потому я могъ посѣщать школу каждый учебный день. Суть этого метода состояла въ томъ, что въ преподаваніи Закона Божія выяснялись не только смыслъ фразы, но и каждаго слова, каждаго понятія, почему ученику не дозволялось говорить что либо непонятное для него. Стало-быть мое преподаваніе было вполне объяснительнымъ и безъ сомнѣнія труднымъ сначала только—въ теченіи недѣль 3-хъ, но потомъ весьма легкимъ и отвѣчающимъ запросамъ дѣтской души. Въ учебникахъ рѣдко какое слово понятно для дѣтей, въ этомъ я убѣдился лично. Ученикъ раскрываетъ «Священную исторію В. З.» Что такое «исторія»? «священная»? Что такое «Завѣтъ»?—«ветхій»?... Объяснительные отвѣты возбуждаютъ въ дѣтяхъ интересъ къ знакомству съ самой «священной исторіей». И тутъ каждое слово, каждая фраза, мысль выясняются въ приспособленіи къ дѣтскимъ понятіямъ. Истолкованная по частямъ отдѣльная исторія затѣмъ сводится въ одинъ осмысленный рассказъ и при томъ такъ, что ученики легко и непринудительно усваиваютъ книжныя слова и выраженія, не могутъ уже безъ оныхъ обойтись—не рѣшаются въ рассказъ вставить свое дѣло, боясь нарушить какую либо

*) См. № 15—1904 г.

мысль. Усвоивъ одну исторію, ученики не рѣшаются также сами учить слѣдующую, боясь какъ бы съ новымъ словомъ не связать ложнаго понятія и потому ожидаютъ законоучителя... И такъ до конца... Хоть мало, да осмысленно!.. Въ концѣ концовъ ученикъ въ состояніи кратко изложить всю исторію Ветх. и Новаго Заветовъ, указать связь между священными событіями и значеніе всей исторіи лично для себя. Благодаря сему методу моя школа «Грамоты» превзошла окрестныя церковно-приходскія школы. Между прочимъ одинъ ученикъ случайно держалъ экзамень при Комиссіи Министерскаго училища и получилъ награду: книгу и книжку Сберегательной кассы со кладомъ на 1 руб.,—не говоря уже о томъ, что многіе ученики поступили въ Ремесленное училище.

И изученіе молитвъ гораздо надежнѣе путемъ объяснительнымъ при явномъ благоговѣніи законоучителя, когда онъ предъ дѣтми читаетъ въ первый разъ извѣстную молитву *такъ, чтобы* и дѣтямъ захотѣлось молиться. Необходимо признаться при этомъ, что объясненіе молитвъ гораздо труднѣе преподаванія Свящ. исторіи, потому что въ молитвахъ встрѣчаются разныя выраженія и слова одинаковыя, но имѣющія разное значеніе и смыслъ, да и самая славянская рѣчь по своимъ оборотамъ требуетъ большаго сравнительно развитія дѣтскаго ума. Гораздо справедливѣе было бы объясненіе молитвъ отнести къ предмету Славянскаго языка, что раскрыло было глаза учителямъ, ограничивающимся въ преподаваніи славянскаго языка только обученіемъ дѣтей механическому чтенію.

Другой методъ преподаванія Закона Божія выработанъ мною въ силу необходимости. Онъ тоже выигрываетъ много, но мало приноситъ пользы дѣтямъ. Методъ этотъ зубристика. Ученикъ, припомнивъ первое слово учебника, затѣмъ бойко передаетъ вамъ исторію, производитъ на васъ даже пріятное впечатлѣніе. Но остановите сего ученика, дайте ему вопросъ

и вы убѣдитесь, что съ нимъ нельзя поговорить какъ съ христіаниномъ, и потомъ если предложите ему продолжать разсказъ, то онъ всегда будетъ начинать разсказъ съ начала. Конечно, это крайности зубристики,—ее можно облагородить съ несомнѣнною пользою для дѣтей. Ужъ лучше вводить зубристку, чѣмъ совсѣмъ оставлять уроки по Закону Божію. Да и правду сказать—иногда на экзаменахъ зубристика беретъ верхъ надъ самыми разумными методами и помимо этого успокаиваетъ нѣсколько совѣсть законоучителя, не имѣющаго возможности выполнять какъ слѣдуетъ свой долгъ по школѣ. Кромѣ того методъ этотъ не утруждаетъ и учителя, не желающаго за отсутствіемъ законоучителя позаняться по Закону Божію: ему остается слѣдить только за дисциплиной и задавать слѣдующую исторію на завтра. Въ часъ урока ученики по очереди передаютъ содержаніе исторіи, кто какъ усвоилъ, а въ III-мъ отдѣленіи дѣти могутъ излагать урокъ даже письменно, и такъ до появленія законоучителя въ школу. Законоучитель объясняетъ пройденное, одухотворяетъ выученное (вызубренное). Какъ это ни сгранно, но гораздо лучше метода объяснительнаго, часто прерываемаго и потому недостигающаго своей цѣли и только убивающаго въ ученикахъ навыкъ къ самостоятельному усвоенію уроковъ.

Въ общемъ законоучительство, за нѣкоторыми исключеніями, зиждется на весьма ненормальныхъ условіяхъ, при которыхъ оно едва-ли можетъ выполнить свою задачу въ отношеніи осуществленія идеала. И это весьма прискорбно особенно тому законоучителю, который имѣлъ счастіе радостной встрѣчи съ людьми, бывшими своими учениками, въ которыхъ онъ разумно вселилъ сѣмена Слова Божія—суть христіанскаго вѣроученія.

Во всякомъ случаѣ какими бы правами въ учительствѣ священникъ ни обладалъ, все таки онъ, вынужденный обстоятельствами, готовъ нѣкоторыя изъ нихъ удѣлить своему пса-

ломщику. Псаломщики оказываются совершенно мірскими людьми,—духовными же они называются вѣроятно потому, что состоятъ членами причта,—дѣятельность свою они ограничиваютъ чтеніемъ только и пѣніемъ, на каковую дѣятельность способенъ каждый маломальски грамотный мірянинъ,—въ созиданіи же духовной пользы людямъ они не участвуютъ (вообще). Пора уже убѣдить г.г. псаломщиковъ, что они тоже *духовныя* лица долженствующія приносить людямъ пользу *духовную*. Всѣ узаконенія относительно школъ касаются только священниковъ,—псаломщики почему то (лѣтъ 20 тому назадъ по необразованности и малограмотности) отстраняются отъ школы, относительно ихъ нѣтъ никакихъ узаконеній, а только вѣжливое приглашеніе ихъ къ участию въ школьныхъ дѣлахъ. Псаломщики свободны отъ всякихъ личныхъ отвѣтственности по дѣламъ прихода не смотря на то, что на необходимость отвѣтственности съ ихъ стороны, указываетъ право ихъ пользоваться $\frac{1}{4}$ голоса. Сущность псаломщицкой службы указываетъ на способность псаломщиковъ по крайней мѣрѣ учить школьниковъ молитвамъ, не говоря уже о томъ, что нынѣшніе псаломщики проходятъ чуть ли не богословскіе предметы въ церковно-учительской школѣ и потому могутъ легко преподавать въ школахъ и Законъ Божій по крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ.

Съ другой стороны и завѣдываніе школой гораздо приличнѣе и удобнѣе псаломщику, болѣе связанному съ міромъ, чѣмъ священнику, преслѣдующему болѣе выснія задачи по своему призванію. Необходимо обязывать къ общественной дѣятельности и псаломщиковъ. Пора показать имъ, что ихъ обязанность гораздо шире,—что они должны не только пѣть и читать, но еще потрудиться въ томъ, въ чемъ усердные прежніе «дьячки» находили высшее наслажденіе, именно въ религіозно-нравственномъ просвѣщеніи прихожанъ,—а запасъ знаній теперешнихъ псаломщиковъ говоритъ за блестящій успѣхъ ихъ на этой почвѣ.

Это одинъ изъ вѣрныхъ путей къ возвышенію спеціально пастырской дѣятельности сельскихъ священниковъ и къ поднятію религіозно-нравственнаго развитія учениковъ, т. е. къ улучшенію законоучительства.

Сельскій Священникъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Въ № 14 «Екатеринославск. епархіальн. Вѣдомостей» с. года въ отдѣлѣ «Извѣстія и Забѣтки» помѣщена статья: «Воинскіе подвиги нашего духовенства». Въ ней идетъ рѣчь о герояхъ—священникахъ изъ среды нашего военно-полевого духовенства. На первомъ мѣстѣ поставленъ недавно прославившійся не только на всю Россію, но, смѣло можно сказать, на весь культурный міръ, священникъ отецъ Стефанъ Васильевичъ Щербаковскій, съ крестомъ въ рукахъ шедшій впереди полка во время славнаго Тюрнченскаго боя 18 апрѣля и здѣсь раненный двумя пулями. Авторъ названной статьи сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія объ отцѣ Щербаковскомъ, черная послѣдняя изъ напечатанной въ «Петербург. Листкѣ» замѣтки г. П. Т. Алѣева. Къ сожалѣнію, въ этой замѣткѣ заключается много неточностей и прямыхъ ошибокъ, которыя во имя исторической правды должны быть устранены; ошибочныя свѣдѣнія должны быть замѣнены правдивыми и вѣрными.

Пишущій эти строки прекрасно знаетъ Стефана Васильевича, ибо имѣлъ честь быть его товарищемъ по духовному училищу и семинаріи. Еще въ стѣнахъ Херсонскаго училища, гдѣ о. Щербаковскій получилъ первоначальное свое духовное образованіе между первымъ и вторымъ установились самыя искреннія пріятельскія отношенія, которыя по мѣрѣ возраста обоихъ и приближенія къ окончанію курса семинаріи все больше и больше возрастали и окрѣпли настолько, что не прекращаются и до-нынѣ, хотя мы и не видѣлись уже болѣе шести лѣтъ. Между нами продолжается довольно частая переписка, дающая полную возможность знать все, что касается каждаго изъ насъ. Близость моя къ герою—священнику и даетъ мнѣ основаніе обратиться къ вамъ, уважаемѣйшій о. ре-

дакторъ, съ покорнѣйшей просьбою помѣстить, въ цѣляхъ исправленія допущенныхъ г. Алѣевымъ неточностей и ошибокъ, настоящую мою замѣтку.

О. Щербаковскій родился въ селѣ Качкаровкѣ (Херсонскаго уѣзда, Херсонской губерніи), гдѣ его отецъ до сихъ поръ состоитъ псаломщикомъ.

Замѣчаніе г. Алѣева о томъ, что Щербаковскій уроженецъ Херсонской епархіи, значитъ, совершенно справедливо, но то, что онъ образованіе свое получилъ въ *Херсонской* семинаріи, не совѣмъ точно. Дѣло въ томъ, что Херсонской духовной семинаріи вовсе *не существуетъ* (въ Херсонѣ есть лишь *учительская* семинарія), есть Одесская, когда то (до 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія), дѣйствительно, называвшаяся Херсонской. Эту семинарію о. Стефанъ окончилъ *не въ 1898 году*, а двумя годами раньше, именно *въ 1896 г.* Невѣрно и то, что будто бы онъ непосредственно послѣ рукоположенія былъ назначенъ полковымъ священникомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи семинаріи онъ былъ назначенъ псаломщикомъ къ Рождество-Богородичной церкви селенія Шестерни (Херсонскаго уѣзда), гдѣ онъ состоялъ и учителемъ мѣстной церковно-приходской школы. Въ званіи псаломщика-учителя онъ былъ около двухъ лѣтъ; во священники рукоположенъ осенью 1898 г. и назначенъ въ с. Губовку (Александрійскаго уѣзда, подлѣ Елисаветграда). Здѣсь онъ заявилъ себя особенной ревностью къ устройству народныхъ чтеній, въ чемъ весьма дѣятельно помогала ему жена Ольга Матвѣевна, бывшая до своего замужества учительницей въ земской школѣ. Эта полезная дѣятельность священника Щербаковскаго и его матушки была замѣчена епархіальною властью. Преосвященный Іустинъ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій выразилъ матушкѣ Щербаковской свою благодарность за веденіе народныхъ чтеній, что было поставлено въ извѣстность всей епархіи чрезъ «Херсонскія епархіальныя вѣдомости». О. Щербаковскій старался стоять возможно ближе къ своимъ духовнымъ чадамъ и дѣлать, что можно въ его положеніи, для облегченія несчастій своей паствы. Много тревогъ и безпокойствъ изъ-за желанія помочь своей паствѣ пришлось ему пережить въ неурожайный 1899 г. и слѣдующій 1900-й, когда въ его приходѣ свирѣпствовала оспа. Лѣтомъ 1901 года о. Стефанъ Щербаковскій былъ назначенъ священникомъ въ 19-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ. Около полутора года пришлось ему вмѣстѣ съ этимъ полкомъ странствовать по разнымъ мѣстамъ Манчжуріи, терпя разнаго рода лишенія

и неудобства, сопряженный съ походной жизнью и очень картинно изображенный имъ въ письмахъ къ автору настоящей замѣтки. Въ 1903 году о. Щербаковскаго перевели въ 11-й восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, который находился до 1-хъ чиселъ января текущаго года въ Портъ-Артурѣ. Кочевая жизнь въ Манчжуріи, полная всякихъ лишеній неблагопріятно повліяла на слабое и безъ того здоровье о. Стефана и сильно утомила его; поэтому, переводу въ Портъ-Артуръ онъ былъ чрезвычайно радъ; онъ думалъ, по собственному выраженію, «поотдохнуть» и хоть немного поправиться. Но обстоятельства сложились неблагопріятно, ожиданія Стефана Васильевича не сбылись; ему пришлось снова идти въ походъ и на этотъ разъ затѣмъ, чтобы предъ всѣмъ свѣтомъ засвидѣтельствовать вѣрность своему долгу и пастыря и гражданина—и прежде всего, кажется,—долгу перваго. Идти впереди солдатъ въ страшный бой и подвергать себя смертной опасности въ то время, когда ему, по инструкціи, предоставляется быть на перевязочномъ пунктѣ внѣ выстрѣловъ, можетъ тотъ пастырь, который всецѣло привязанъ къ своимъ пасомымъ, любить ихъ и доказываетъ это своею готовностью до конца дѣлать съ ними постигшую ихъ участь.

Очень интересно послѣднее письмо о. Щербаковскаго, писанное имъ мнѣ изъ Портъ-Артура 22 января, значить, за нѣсколько дней до начала военныхъ дѣйствій съ Японіей. Въ немъ онъ сообщаетъ о предстоящемъ выступленіи 11-го восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка изъ Артура и знакомить со своимъ душевнымъ состояніемъ въ виду ожидаемыхъ военныхъ дѣйствій. «Въ виду натянутыхъ отношеній Россіи съ Японіей,—пишетъ онъ,—нашей 3-й стрѣлковой бригадѣ: 9, 10, 11 и 12 восточно-сибирскимъ стрѣлковымъ полкамъ, а также 1-й, 2-й и 3-й батареѣ приказано въ походномъ порядкѣ, съ укладкою по военному времени, выступить изъ П. Артура въ Манчжурію и расположиться пока по линіи желѣзной дороги, а тамъ куда и когда пойдѣмъ, ничего не знаемъ. Предполагають, что пойдѣмъ на р. Ялу на границѣ съ Кореей». Предстоящій походъ не страшитъ Стефана Васильевича, хотя онъ и сознаетъ, что ждетъ его въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій; онъ знаетъ, что надо бодриться, и безбоязненно идетъ туда, куда велѣно. Онъ даже доволенъ походомъ: придется походить, новыхъ впечатлѣній наберусь, можетъ быть и въ Корей побываю»—говоритъ о. Щербаковскій. 25 января, по письму, 11-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ долженъ былъ выступить изъ Портъ-Артура.

Жену свою Стефанъ Васильевичъ, съ ея согласія, оставилъ въ П.-Артурѣ; у нихъ было рѣшено, что въ случаѣ объявленія войны, она пойдетъ въ сестры милосердія. «чтобы хотя чѣмъ-нибудь заполнить время и посильную пользу принести».

Думаль-ли Стефанъ Васильевичъ, подобно большинству русскихъ, когда писалъ мнѣ 22 января, что будетъ черезъ какихъ-нибудь пять дней?

Походные труды и дѣла помѣшали о. Щербаковскому писать мнѣ. Я не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ до того времени, когда телеграфъ принесъ извѣстіе о битвѣ на Ялу. Жутко стало за него, когда прочтена была всеподданнѣйшая телеграмма генерала-адъютанта Куропаткина отъ 19 апрѣля, сообщавшая вѣсть о славномъ столкновеніи русскихъ войскъ съ японцами на Ялу. Пишущій эти строки не вытерпѣлъ и по телеграфу освѣдомился о состояніи здоровья раненнаго Стефана Васильевича. 5 мая получена отъ него отвѣтная телеграмма такого содержания: «Спасибо! живъ, поправляюсь, въ Мукденѣ, общее самочувствіе плохое. Священникъ Щербаковскій». Дай Богъ ему силы перенести страданія и скоро и окончательно оправиться отъ ранъ! Дай Господи!

Z.

Женскіе Естественнo-научные курсы

С.-Петербургъ, Невскій 88.

Съ разрѣшенія Господина Министра Народнаго Просвѣщенія при частной женской гимназіи М. А. Лохвицкой-Скалонъ

Невскій проспектъ, д. № 88, съ 15-го сентября 1903 года открыты Высшіе Женскіе Естественнo-научные курсы.

Естественнo-научные курсы имѣютъ главной своей цѣлью дать подготовку желающимъ заняться преподаваніемъ естествовѣдѣнія, а равно пріобрѣсти естественнo-научныя познанія вообще.

На курсахъ преподаются слѣдующіе предметы:

1. Зоологія съ сравнительной анатоміей.—Профессоръ С.-Петербургскаго Университета В. М. Шимкевичъ.

2. Ботаника.—Ассистентъ при кафедрѣ ботаники Женскаго Медицинскаго Института В. М. Арцыховскій.

3. Бактеріологія.—Профессоръ Женскаго Медицинскаго Института Г. А. Надсонъ.

4. Химія } неорганическая—Профессоръ Михайловской Артиллерійской Академіи *А. В. Сапожниковъ*.
 } органическая—Экстраординарный профессоръ Женскаго Медицинск. Института *А. С. Гинзбергъ*.

5. Физика.—Профессоръ Политехническаго Института *А. С. Гинзбергъ*.

6. Гистологія.—Профессоръ Университета и Женскаго Медицинскаго Института *А. С. Догель*.

7. Анатомія.—Профессоръ Женскаго Медицинскаго Института *В. Н. Тонковъ*.

8. Физиологія—Физиологъ Императорской Академіи Наукъ, Приватъ-доцетъ С.-Петербургскаго Университета *Ө. Е. Туръ*.

9. Минералогія } Приватъ-доцетъ С.-Петербургскаго Уни-
 10. Геологія } верситета *Г. Г. Фоль-Петцъ*.

11. Математика—Преподаватель Института Инженеровъ Путей Сообщенія и Политехническаго Института *А. А. Адамовъ*.

12. Латинскій языкъ—въ объемъ курса требуемаго для поступленія въ Женскій Медицинскій Институтъ Преподаватель С.-Петербургской III классической гимназіи *В. М. Клембовскій*.

Преподаваніе на курсахъ сопровождается демонстраціями или практическими занятіями подъ руководствомъ ассистентовъ, смотря по свойству преподаваемаго предмета.

Слушательницы курсовъ, по выдержаніи надлежащаго окончательнаго испытанія, получаютъ свидѣтельство по пятибалльной системѣ.

Чтеніе лекцій на курсахъ происходитъ въ отдѣльномъ отъ гимназіи помѣщеніи, состоящемъ изъ привноровленныхъ для сей цѣли аудиторій, комнатъ для практическихъ занятій и лабораторій.

Плата на курсахъ 75 руб. за полугодіе, а съ латинскимъ языкомъ 100 рублей за полугодіе, при чемъ плата за I-е полугодіе вносится при поступленіи, плата же за II-е полугодіе вносится до 1 Февраля.

Согласно «положенію» о курсахъ никто не можетъ быть освобожденъ отъ этой платы.

Занятія на курсахъ происходятъ съ 15 сентября по 15 мая.

На курсы принимаются всѣ окончившія курсъ въ женскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, институтахъ и гимназіяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи, въ епархіальныхъ училищахъ, и выдержавшія экзамень при испытательной комисіи

Министерства Народнаго Просвѣщенія на званіе домашней учительницы по четыремъ главнымъ предметамъ *русскому языку, математикѣ, географіи и исторіи.*

Заявленія о принятіи на курсы съ приложеніемъ аттестата объ окончаніи вышеназванныхъ учебныхъ заведеній, метрическаго свидѣтельства, о благонадежности и фотографической карточки желающей поступить на курсы, адресуются въ Канцелярію естественно-научныхъ курсовъ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 88.

Окончившія курсъ среднихъ учебныхъ заведеній въ годъ поступления на курсы въ свидѣтельствѣ о благонадежности не нуждаются.

Въ настоящее время занятія происходятъ на двухъ первыхъ курсахъ, съ 15-го же сентября 1905 года открывается третій курсъ дополнительный, специально предназначенный для подготовки преподавательницъ естествовѣдѣнія и географіи.

Желающіе могутъ помѣститься въ интернатѣ курсовъ съ платою 400 руб. за учебный годъ.

При курсахъ имѣется Общество вспомошествованія недостаточнымъ слушательницамъ.

Хроника епархіальной жизни.

23 мая—воскресенье Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Сумеонъ Божественную литургію совершалъ въ Крестовозвиженской церкви при Архіерейскомъ домѣ въ сослуженіи ключаря собора протоіерея Ѳ. Ѳедорова и іеромонаховъ: Сергія, Тихона и Іустина, за литургіей рукоположены: во священника—діаконъ Николай Барышпольскій и во діакона—окончившій курсъ духовной семинаріи Петръ Поповъ. Его Преосвященствомъ произнесено слово.

— 25 мая День Рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны Его Преосвященство Божественную литургію совершалъ въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи протоіереевъ: П. Доброхотова, Н. Попова, ключаря собора Ѳ. Ѳедорова и священниковъ: Д. Страховскаго, Е. Краснокутскаго и М. Донцова,

за литургіей рукоположены: во священника—діаконъ Петръ Поповъ и во діакона—окончившій курсъ духовной семинаріи Іоаннъ Заревскій. Послѣ литургіи Его Преосвященствомъ въ сослуженіи городского духовенства совершено благодарственное Господу Богу молебствіе.

— 21 мая—пятница Его Преосвященство читаль академію Воскресенію Христову въ Крестовоздвиженской церкви.

— 27—28 мая Его Преосвященство выбылъ въ городъ Харьковъ, гдѣ 29—30 чис. принималъ участіе при нареченіи и хиротоніи Ректора Литовской дух. Семинаріи Архимандрита Алексія во Епископа Сумскаго—Викарія Харьковской епархіи.

Его Преосвященство присутствовалъ на экзаменахъ: 20, 24 и 26 мая въ епархіальномъ женскомъ училищѣ и 22 мая въ духовной семинаріи.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза
въ мѣсяцъ: 1, 11, 21 числа каждого
мѣсяца, въ объемѣ не менѣе 2-хъ
печатныхъ листовъ.

Подписка принимается
въ Редакціи при Екатеринославской
Семинаріи. Цѣна изданію съ пере-
сылкой 6 рублей.

Редакторы—Преподаватели } Протоіерей *В. Мстиславскій*.
Семинаріи: } и *Михаилъ Брунбандеръ*.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Теорія Герберта Спенсера о происхожденіи религіи. 2) Хроника епархіальной миссіи. 3) Миссіонерская поѣздка на ст. Сивельниково. 4) Школьное законоучительство. 5) Извѣстія и замѣтки. 6) Хроника епархіальной жизни. и 7) Объявленіе.

Дозволено цензурою. Екатеринославъ. 31 Мая 1904 г. Цензоръ преподаватель
Семинаріи *Вл. Таинтовъ*